

Чернышёв Анатолий Александрович (1930 – 2021). Журналист, поэт, редактор. Работал с 14 лет – сапожником, разнорабочим, токарем по дереву и металлу, директором ДК на Камчатке, журналистом в газете «Молодость Сибири», окончил Литературный институт им. Горького. Работал редактором «Последних известий» на Новосибирском радио, редактором в Западно-Сибирском книжном издательстве и многотиражной газете «Энергостроитель». С 1975 г. – в Центре НТИ Новосибирска (еженедельный выпуск радионовостей). Публиковался в журналах «Смена», «Октябрь», «Сибирские огни» и коллективных сборниках, а также в новосибирских и центральных газетах.

Книги: «Просторечие» (1967), «Голгофа» и др.

Галактики

Мир многолик, огромен, полновесен

И осязаем, как живая плоть.

По всей Вселенной города и веси

Раскинул созидающий Господь.

Наверно, шёл за ангелами следом,

Сверял задумки их и чертежи.

А может, чертежей Господь не ведал

И строил по наитию души?

Святой импровизации законы

Манили в неизведанность. И что ж?

Кому пейзажи наши не знакомы?

От красоты подобной не уйдёшь:

Глядишь, глядишь,

И сердце тает, тает:

Такая живописность на земле.

Есть в этом интуиция святая,
Рождающая отклики во мне.
А на других галактиках такое ж?
А может, ярче, красочней, чем здесь?
Я Господа отнюдь не беспокою,
Но есть неутолённость во мне, есть.
И звёзды манят,
Нестерпимо манят,
Мол, есть и там дубравы и луга.
И огонёк там светится в тумане,
И дышат ароматами стога.
А нравы там не требуют законов,
Не требуют карающих статей.
Без кодексов обходятся каноны,
Без хитрых юридических затей.
И в этом суть,
Важнее всякой сути.
Закон не нужен, если честен ты.
Живут ли там без меркантильной мути?
Хватает ли духовной чистоты?

* * *

Человек малюет на мансарде.
Вечерами.
И при свете дня.
Не для «золотого миллиарда»,
Для меня малюет,
Для меня.
Не шедевр,
Торговую рекламу.
А зачем, кому она нужна?
Ведь в почтовом ящике от хлама

Не всегда дотянешься до дна.
Малевать, наверно, не охота.
Но – семья, полдюжины ребят.
А вокруг – работы мне!
Работы! –
Толпы безработные вопят.
Человек стал лишним на планете.
Вот и конь почти полузабыт.
Он ушёл, а кто-нибудь заметил,
Загрустил о цокоте копыт?

* * *

Отшумели последние грозы.
Отрыдали мои журавли.
Тихо плачут и шепчут берёзы,
Что растаяло лето вдали.
Только я не из этого века.
Что мне лето, коль век позади.
Ни казённых витий,
Ни генсеков,
Ни партийных иллюзий в груди.
Не вернуться весенние грозы,
Не проснутся надежды в груди.
Даже тихие эти берёзы
Не дают утешенье найти.
О покоях небесного дома
Всё острее тоскует душа,
Где так много друзей и знакомых.
Может, судят наш век, не спеша.
Сколько съедено воли, не взвесит.
Сколько бед с ними я бедовал.
До свиданья, родимые веси:
На последний иду перевал.